

УСТАНОВЛЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ В КОНЦЕ XVII — СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКОВ

В данной статье говорится об установлении первых неофициальных и первом официальном контактах между Россией и Японией. Именно Российская империя первой обследовала и нанесла на карту Курильские острова и о. Сахалин. Симодский трактат 1855 г. — первый договор, который установил дипломатические и экономические отношения между Японией и Россией, а также частично решил пограничный вопрос.

Ключевые слова: русско-японские отношения, Симодский трактат, айны, территориальный вопрос.

А. А. Ageeva

ESTABLISHING THE INTERSTATE RELATIONS OF RUSSIA AND JAPAN AT THE END OF XVII — MID-XIX CENTURIES

The article considers establishing the first informal and the first official contacts between Russia and Japan. It was the Russian Empire that first surveyed and plotted the Kuril Islands and the lake of Sakhalin. The Simodsky treatise of 1855 was the first contract which established the diplomatic and economic relations between Japan and Russia and also partially resolved a boundary issue.

Key words: Russia-Japan relations, Simodsky treatise, ainu, territorial question.

Вопрос русско-японских отношений актуален и по сей день, так как договор о границах до сих пор не ратифицирован. Взаимные территориальные притязания продолжаются. Главный камень преткновения — кому должны принадлежать Южные Курилы. Обе спорящие стороны настаивают на том, что данные острова должны принадлежать им по праву первооткрытия. Кто же первый из стран-соперниц занялся исследованиями данного региона? Когда началось первое продвижение в эту сторону со стороны России и со стороны Японии? Проследим историю освоения данного региона с обеих сторон до подписания первого русско-японского договора, который явился первым документом, установившим официальные межгосударственные отношения между Японией и Россией.

Цепь Курильских островов и о. Сахалин протянулись с севера на юг на 1200 км. В состав Курильской гряды входит 30 относительно крупных и 20 небольших по территории островов общей площадью 15,6 тыс. кв. км. То, что сейчас обозначают Южными Курилами, представляет собой произвольное, на политической основе, деление архипелага на несколько островов, не имеющих ничего общего с физической картой. Сюда условно включают острова: Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хамобаи (8 островков). Эти острова богаты ценными породами рыб и животных, полезными ископаемыми, но об этом в 17 в. еще не знали.

Русские первопроходцы вышли к Курилам в 1697 г. Первым увидел с камчатского мыса Лопатка самый северный Курильский остров Алаид отряд В. Атласова. Он обследовал п-ов Камчатку и присоединил ее к России в тот же год. Он же нашел первого японца в России (приказчика Дэнбея), занесенного сюда тайфуном.

Первыми русскими людьми, побывавшими непосредственно на Курильских островах, стали казаки Д. Анциферов и И. Козыревский. В 1711 г. они с небольшим отрядом обследовали о. Шумшу. В 1713 г. И. Козыревский высадился на о. Парамушир, где ему пришлось сражаться с айнами, не пожелавшими платить ясак в царскую казну, и объявил его российской территорией.

В 1721 г. геодезисты Ф. Лужин и И. Евреинов по приказу Петра I продолжали обследование Курил и нанесение на карту еще 16 островов.

В 1739 г. состоялась экспедиция М. Шпанберга вдоль Курильских островов в поисках морского пути в Японию. В ходе нее были обследованы и нанесены на карту все Курильские острова, в том числе и острова Малой Курильской гряды. Многие из них получают русские названия, например, Фигурный (Шикотан), Зеленый (Сибоцу) и др. Впоследствии в 1796 г. по инициативе английского мореплавателя У. Броутона Шикотан на многих картах стал называться островом Шпанберга (по имени своего первооткрывателя). М. Шпанберг достиг западного побережья о. Хонсю и спустился вдоль него почти до широты г. Эдо (тогдашней столицы Японии), проложив тем самым морской путь из России в Японию.

Помимо этих, преимущественно исследовательских и картографических, экспедиций на Курилы с 1730 г. регулярно направлялись казацкие отряды с целью сбора с айнов ясака и организации собственных промыслов пушного и морского зверя.

В 1760-х гг. Екатерина II разрешила российским купцам торговать с айнами на дальних Курильских островах, т. е. на Южных Курилах. Первым купцом, воспользовавшимся этим разрешением, был А. Толстых.

В 1775–79 гг. по инициативе и на деньги купцов Г. Шелихова и П. Ласточкина была организована экспедиция на Южнокурильские острова. Экспедиция дошла до о. Уруп и там обосновалась. Они также попытались завязать торговлю с Японией. Однако их попытки не увенчались успехом из-за запрета японского правительства торговать с иностранцами.

В 1795 г. промысловой кампанией купцов Шелихова — Голикова на о. Уруп было основано поселение Александра во главе с управляющим В. Звездочетовым. Оно располагалось в современной бухте Алеутка на юго-восточном побережье острова, обращенном к океану. В некоторых российских документах и сам о. Уруп с этого момента именовался островом Александра. В поселении проживало 40 колонистов, и оно существовало до 1805 г.

Такое активное хозяйственное освоение этой территории могло происходить только в том случае, если эта территория принадлежала России. Императорские указы (в XVIII в. они имели силу закона) 1779, 1786 и 1799 гг. подтверждали подданство южнокурильских айнов, а сами острова объявлялись владениями России.

Также в последней трети XVIII в. эти территории были нанесены на карты, где также подчеркивалась их принадлежность к России: Атлас для народных училищ, вышедший в 80-х гг. XVIII в., Атлас Российской империи 1796 г. Таким образом, еще раз подтверждалась территориальная принадлежность данных территорий к Российской империи.

В дальнейшем, 1799 г., хозяйственное освоение и использование природных ресурсов было передано созданной в этом же году Российско-Американской компании. Эта компания восстановила в 1828 г. поселение Александра. Она вынашивала планы превращения этой стоянки в центр своеобразной «Курилороссии» с земледельческими и скотоводческими хозяйствами на Южных Курилах, которые обеспечили бы продовольствием жителей Камчатки и побережья Охотского моря.

Поскольку японские власти отказались от торговли, было решено превратить поселение Александра в связующее звено посреднической торговли России с Японией 1/3 айнов на Курилах и о. Хоккайдо.

Русско-Американская компания, просуществовавшая до 1848 г., так и не добилась осуществления задуманных планов.

Своеобразным завершением последовательного продвижения русских на юг вдоль Курильской гряды явилась первая официальная российская миссия в Японию в 1792–1793 гг., которая воспользовалась открытым Шпанбергом морским путем в Японию и пыталась на государственном уровне завязать в этой стране торговые отношения.

Это была миссия Адама Лаксмана, направленная из Охотска на паруснике «Святая Екатерина». Она была снаряжена в полном соответствии с именным указом Екатерины II от 13 сентября 1792 г. «О установлении торговых сношений с Японией» [1, с. 10]. Он доставил

в Японию оказавшихся в России из-за кораблекрушения японского подданного Кадаю и двух его спутников. Имея их в виду, Екатерина II писала в указе, что «случай о возвращениях японцев в их отечество укрывает надежду завести с оными торговые связи» [2, с. 40].

Летом 1793 г., после зимовки, миссия Лаксмана провела переговоры с «бакуфу» об открытии взаимной торговли. Японская сторона ответила отказом, сославшись на указ сегуна о «закрытии страны», но все же, выдала документ о разрешении на заход одного русского судна в г. Нагасаки для продолжения переговоров о торговле. На основе этого документа в Японию в 1804 г. прибыла официальная миссия во главе с Н. Резановым с попыткой установить с этой страной дипломатические и торговые отношения.

Встает вопрос: почему вдруг Россия озаботилась вопросом об установлении дипломатических отношений именно в то время? Дело в том, что, организуя экспедицию за экспедицией и продвигаясь с каждым разом все дальше и дальше, русские исследователи дошли до о. Хоккайдо, где и столкнулась с японцами. Узнав, что они дошли до неизвестной страны, первая мысль — познакомиться с ними и завязать торговлю. Так как страны — соседи, то, во-первых, это товарообмен, во-вторых, нужно определить границу распространения своих владений. Чтобы это сделать, необходимо организовать официальное посольство на государственном уровне. Таким образом можно договориться об установлении дипломатических, торговых и иных взаимоотношений, а заодно и решить пограничный вопрос. Российская империя хотела, чтобы Япония признала, что Россия имеет право владеть всеми Курильскими островами, что она первая сюда добралась. Поэтому понадобилось посольство.

Н. Резанов в 1804–1805 гг. заявил тогда официальным представителям японского центрального правительства: «Чтобы Японская империя дальше северной оконечности острова Матмая отнюдь владений своих не простирала, поелику все земли и воды к северу принадлежат моему государю» [3, с. 40]. Его миссия тоже не удалась.

Подводя итоги освоения русскими людьми о. Сахалина и Курильских островов в XVII — начале XIX вв. можно выделить следующие моменты: продвижение на Курилы являлось естественным продвижением политики российского государства по освоению и присоединению к своей территории новых земель в Сибири и на побережье Тихого океана, пока не столкнулись с Японией; в официальных российских документах того времени Курилы провозглашались территорией России и ставилась задача международно-правового оформления их как составной части Российской империи; в своей политике освоения территорий Россия исходила из того, что эти острова не входили в то время в состав какого-либо государства и поэтому объявлялись ею своей территорией по праву первооткрывателя; когда в начале XVIII в. Россия столкнулась с фактом появления японцев в Южных Курилах, она предпочла урегулировать эту проблему мирно.

Как мы видим, русские люди начали осваивать острова еще с XVII в. и активно вести здесь различные промыслы, с каждым десятилетием углублялись все дальше, пока не наткнулись на представителей другой страны — Японии. На протяжении второй половины XIX в. Россия уже закрепила эту территорию за собой, записав это в ряде указов.

Рассмотрение проблемы освоения территорий лишь Россией будет однобоким, если не рассмотреть ее с позиции страны — соперницы. Как же дело обстояло здесь?

Решение о «закрытии страны» в 1639 г. в значительной степени ограничило возможности Японии в освоении Курильских островов. Максимум, на что могли пойти власти княжества Мацумаэ, это разрешение своим купцам торговли с курильскими айнами на северном побережье о. Хоккайдо. В отличие от России, где освоение и присоединение Курил являлось делом государственной важности, в японском государстве в течение длительного времени правительство фактически препятствовало первопроходческой деятельности на Курилах. Что касается княжества Мацумаэ, то оно решилось устроить свою факторию на о. Кунашир лишь в 1754 г. Только после этого в отчетах русских казаков и торговых людей, побывавших на Курилах, стали появляться сообщения (со слов курильцев) о том, что на о. Кунашир начали приходить японские торговые парусники. Об этом сообщал якутский посадник Е. Новиков в 1764 г.

Следует сказать, что эти отчеты и записки первых российских исследователей Курильских островов являлись одновременно и ценным источником по истории освоения Курильских островов японцами.

В 1785 г. центральное правительство «бакуфу», чтобы выяснить реальную обстановку на севере страны, направило на Эдо, Карафуту (Сахалин) и Южные Курилы специальную экспедицию. В 1786 г. на о. Кунашир и о. Итуруп побывали картографические экспедиции Могами Токунаи. На Итурупе Могами Токунаи встретил троих русских, которые здесь проживали [4, с. 42]. Предположительно, это были С. Т. Извозов, И. Н. Шахновский и их слуга Никита. Русские приняли японского представителя весьма гостеприимно, предложили обмен товарами. У одного из японцев завязался спор с русскими о принадлежности острова. Кончилось тем, что прибывшие позже на Итуруп руководители экспедиции захватили русских в плен и увезли их на Кунашир. Затем одного из них отправили на Уруп с письменным заявлением о том, что Итуруп являлся японской территорией и что русским не разрешается появление на нем.

Остается загадкой, почему русское правительство не рассмотрело этот вопрос подробнее и не стало отстаивать свою правоту. Также эта ситуация показывает методы и способы освоения новых территорий японцами. Русские землепроходцы дружелюбно относились к местному населению и тем более не обижали японцев. Японцы же повели себя не то, что невежливо, а нагло заявили, что это их территория. При этом они не предоставили никаких подтверждающих свою правоту свидетельств. Поселений японцы тоже не образовали на данном острове.

Не встретив сопротивления со стороны России, Япония продолжала в том же духе.

В 1798 г. правительство «бакуфу», встревоженное активностью русских на Курилах и японском побережье Эдзо, пошла на решительные меры. Оно более чем на 20 лет изъяло восточную часть Эдзо из-под юрисдикции княжества Мацуэ и направило на о. Кунашир и о. Итуруп отряды самураев из княжеств Намбу и Цугару, которые поставили там военные посты. На этих островах были установлены столбы с надписями о том, что указанные территории являются частью Японии. Сюда пребывают постоянные представители центрального правительства, и в 1802 г. в Хакодате была открыта специальная правительственная Канцелярия по колонизации Курильских островов. Такие активные действия японского правительства были связаны с так называемым «встречным планом» Японии. Он был составлен в 1798 г. неким Хонда Тосиаки. План так и назывался: «Секретный план для правительства». Автор сформулировал «4 первоочередные потребности» страны: порох, металлы, мореплавание, колонизация. С помощью колонизации можно было решить потребность страны в металлах, так как японцам наверняка было известно о природных ресурсах Южных Курильских островов. Экспансия, по плану Хонда Тосиаки, должна была осуществиться, кроме Курильских островов, на Камчатку, Сахалин и т. д. Планы Японии были огромны. Это объясняет претензии японцев на территории в ходе переговоров по пограничному вопросу, которые начались спустя всего 50 лет.

Но, в то же время попытка Японии закрепиться на Урупе не удалось. Так произошло стихийное территориальное размежевание между Россией и Японией на Курильских островах. Больше всего пострадало местное население — айны, которые были вынуждены терпеть сначала присутствие русских, которые собирали налоги (ясак), потом японцев, которые были еще хуже по своему обращению с ними. Каждая страна пыталась взять реванш в этом вопросе.

Рассмотрев период освоения Сахалина и Курильских островов Россией и Японией выясняется, что Российская империя раньше начала интересоваться вышеупомянутыми территориями. К тому времени, когда сюда пришли японцы, спорные территории уже официально являлись частью русского государства по праву первооткрытия. Японская экспедиция состоялась лишь в 1785 г., а первый указ, закрепляющий эти территории за Россией, относится к 1779 г. Так что при встрече с японской картографической экспедицией русские землепроходцы имели полное право утверждать, что это их территория, но не сумели их отстоять за собой.

На это было несколько причин. На границе были поставлены только столбы; не было никаких отрядов, канцелярий, где бы японцы могли получить исчерпывающий ответ. Наконец, здесь не было никаких военных подразделений. Это объясняется также удаленностью от столицы и очень малой заселенностью этих районов.

Японцы же после вытеснения отсюда русских все это сделали. Когда они узнали, чем богаты эти края, то интерес их только повысился.

Еще один вывод, который можно сделать — это то, что к концу XVIII в. эти территории являлись территорией, уже принадлежащей России и японская сторона не могла ими владеть. Таким образом, выдвигаемый Японией тезис об «изначальной исторической принадлежности Южных Курил только Японии» не верен.

Разведав в течение полувека все Курильские острова и дойдя до о. Хоккайдо и даже до о. Хонсю, русские встали перед проблемой налаживания нормальных межгосударственных отношений с Японией. В этих целях они направили две официальных дипломатических миссии на Японские острова: 1792–93 гг. – миссия А. Лаксмана; 1804–05 гг. — миссия Н. П. Резанова.

И лишь третья миссия оказалась успешной, которая привела к заключению первого договора — миссия генерал-адъютанта Ефима Васильевича Путятина, которая была направлена в Японию, а также в Китай в октябре 1852 г. на фрегате «Паллада» из Кронштадта.

Переговоры А. Лаксмана и Н. П. Резанова закончились неудачей. Япония сохранила «феодалную закрытость» страны. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что обе эти миссии были объективно обречены на неудачу, что поставленные перед ними задачи невозможно было решить в то время. Япония была «открыта» для всего мира только спустя полстолетия и только соединенными усилиями США и европейских государств, не побоявшихся использовать ради этой цивилизаторской цели пушки своих военных кораблей.

Что касается третьей миссии, то российское правительство приняло решение о ней после того, как ему стало известно о том, что Америка направляет к Японским островам военную эскадру. М. К. Пери решил добиться «открытия» этой страны любыми методами. В случае успеха американской миссии, миссия Е. В. Путятина должна была в изменившейся обстановке на Дальнем Востоке обеспечить интересы России в этом регионе.

М. Пери дважды (в июне 1853 г. и в феврале 1854 г.) заходил со своей эскадрой в Эдосский залив, закрытый для иностранцев. 19 марта 1854 г. он заключил с Японией Канагавский договор, который открывал для торговли с Америкой порты Симода и Хакодате, предоставил права наибольшего благоприятствования, экстерриториальности в открытых портах и другие привилегии.

Почему русские мореплаватели не пошли на точно такой же военный нажим? Одна из причин этого скорее всего в том, что международная обстановка для Российской империи в этот период складывалась неудачно. России был не нужен вооруженный конфликт на другом конце страны, где у нее не было военных отрядов, а перебросить их в короткие сроки не предоставлялось возможным.

Поэтому, в отличие от М. Пери, миссии Е. В. Путятина было предписано действовать в рамках законов «закрытой» Японии, уважать традиции другого государства. Поэтому первый этап переговоров с японскими представителями проходил в г. Нагасаки — единственном порту, в который могли тогда заходить русские суда. Первый этап длился с перерывами с декабря 1853 г. по апрель 1854 г.

Еще 18 мая 1852 г. Николай I утвердил план экспедиции в Китай и Японию под руководством Евфимия Васильевича Путятина (1804–1883 гг.). Из состава Балтийского флота в эскадру Путятина был выделен фрегат «Паллада».

7 октября 1852 г. Е. В. Путятин покинул Кронштадт.

10 августа 1853 г., через один месяц с небольшим после того, как американская эскадра покинула японские воды, в Нагасаки прибывает русская эскадра в составе фрегата «Паллада», корвета «Оливуца», транспорта «Князь Меншиков» и шхуны «Восток». Русские суда были окружены караульными лодками Японии. Высадку на берег запретили.

С каким дипломатическим багажом приехал Е. В. Путятин на переговоры?

Еще в августе 1852 г. МИД России передал ему инструкцию, основные положения которой сводились к следующему: установление с Японией торговых и дипломатических отношений; получить от Японии все те торговые права и привилегии, которые могли приобрести американцы; добиться разрешения торговать в одной из удобных северных гаваней страны в обмен на предоставление Японии свободной торговли в российских водах [5, с. 74].

Так называемая инструкция МИД России послу Е. В. Путятину о переговорах с Японией № 730 от 24 февраля 1853 г. была получена адресатами в июле на островах Огасава, накануне прибытия в Нагасаки. В ней подчеркивалась приоритетность задачи открытия торговли с Японией, а пограничное размежевание рассматривалось как средство, которое побудило бы японскую сторону войти в переговоры с Россией [6, с. 41].

В отношении Курил в инструкции было записано: «На островах Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом российских владений к югу, — так чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова будет (как и ныне оно в сущности есть) границей с Японией, а чтобы с японской стороны границей считалась бы северная оконечность о-ва Итурупа» [7, с. 41].

Что касается о. Сахалина, то Е. В. Путятин должен был разъяснить японцам важное стратегическое значение для России этого острова и добиваться закрепления российских прав на него. Кто владеет Сахалином, тот владеет «ключом к Амуру», — говорилось в инструкции [8, с. 42].

Из инструкции видно, что русские не собирались сдаваться просто так, они собирались доказать обоснованное владение не только Сахалином, но и Курильскими островами несмотря на то, что эти территории вошли в ее состав более 50 лет назад.

Далее в инструкции сказано: «Если же встретите непреодолимые со стороны Японии препятствия к признанию наших прав на Сахалин, то лучше в таком случае оставить дело в нынешнем положении, предоставив времени и обстоятельствам упрочить действительное влияние на сей остров» [9, с. 42].

То есть, необходимо твердо отстаивать свою позицию, но при этом не вступать в открытую конфронтацию. Для России Сахалин являлся стратегически важным пунктом, открывающим путь японцам для продвижения на север.

Вместе с тем Е. В. Путятину было представлено право самостоятельно принимать решения в отношении содержания договора в зависимости от обстановки. То есть необходимо было решить этот вопрос как можно скорее и без всяких конфликтов, но при этом решить пограничный вопрос как можно выгоднее для себя, то есть сохранить за собой как можно больше территорий. На Путятину возлагались большие надежды.

Е. В. Путятин вез с собой и послание российского канцлера Нессельроде Верховному Совету Японии и его же письмо губернатору г. Нагасаки с просьбой разрешить российскому посланнику проследовать в Эдо для того, чтобы лично вручить его послание центральной власти в Японии.

Русская эскадра прибыла в Нагасаки в конце августа 1853 г. В сентябре состоялась встреча с губернатором Нагасаки, которому было передано послание Нессельроде. В ожидании ответа, Е. В. Путятин 6 ноября 1853 г. направил в Нагасаки собственное послание Верховному Совету с предложениями по пограничному размежеванию между сторонами. Суть его предложений сводилась к следующему: 1) на Курилах границу провести между Кунаширом и Итурупом, оставив за Россией Итуруп [10, с. 42]; 2) на Сахалине провести границу по проливу Лаперуза, оставив Сахалин за Россией.

Затем Е. В. Путятин пошел со своей эскадрой в Шанхай и вернулся в Нагасаки только в декабре. К этому времени сюда уже прибыли представители японского правительства Цуцуи и Кавадзи. Русско-японские переговоры продолжились до 31 декабря 1853 г. В ходе переговоров в Нагасаки и до заключения японо-американского договора в Канагаве, Е. Путятин получил от японских представителей письменное подтверждение принципиального согласия

Японии предоставить России те же права, что и другим странам. По пограничному размежеванию японская сторона предложила разделить Сахалин сначала по 50-й параллели с. ш., затем по 48-й. Не добившись от Путятина согласия на это, она потребовала оставить остров неразделенным. На Курилах она стремилась закрепить за собой Кунашир и Итуруп, выдвигая тезис о том, что «все местности, где обитают айны, живущие в Японии, являются владением Японии». На это русская сторона ответила: «Мы не объявляем претензий на айносов» [11, с. 43]. Суждения японской стороны неправомерны, так как японская нация и айны далеко не родственные народы и ничего общего между собой не имеют. Таким объяснением японцы хотели обозначить свои претензии на эти территории.

Из двух предложений по урегулированию пограничного вопроса есть общее: ни одна из спорящих сторон не знала, что делать с о. Сахалином, как его разделить. Поэтому и решение было соответствующее: обе стороны предложили этого пока не делать.

Но это было еще не все. Разногласия между Японией и Россией коснулись и о. Итурупа, поделить который также было предложено пополам, но японская сторона посчитала это очень сложным, практически невозможным. Но Россия стояла на своем. Японский представитель переговоров тогда заметил с сожалением: «Что значит для обширной империи, какова Россия, такой маловажный остров, как Итуруп» [12, с. 44]. Но для России это было делом принципиальным, стратегически важным.

Переговоры с Японией приобрели затяжной характер. Тем временем в марте 1854 г. договор с Японией заключили американцы, а в октябре — англичане. С 1853 г. Россия вела войну с Турцией. В феврале 1854 г. на стороне Турции выступила Англия и Франция. Их корабли начали военные действия и на Тихом океане; они охотились за эскадрой Е. В. Путятина, обстреляли Камчатку и средние Курилы (о. Уруп, где размещалась фактория Российско-американской компании). Русские корабли были вынуждены уйти в Императорскую гавань. Это событие повлияло на исход переговоров.

На заключительный этап переговоров Е. В. Путятин прибыл в Японию из Императорской гавани на фрегате «Диана» в декабре 1854 г. На этот раз переговоры проходили в г. Симода, открытом для американцев по Канагавскому договору. Они начались 10 декабря 1854 г., однако уже на следующий день были прерваны из-за сильного землетрясения и цунами в Симода. «Диана» была повреждена и затонула при буксировке для ремонта. Ее экипаж был направлен в близлежащую деревню Хэда для строительства нового судна, а миссия разместилась в одном из уцелевших храмов Симода. В таких поистине экстремальных условиях переговоры возобновились 14 декабря и были завершены 7 февраля 1855 г., когда в здании храма Тэраку состоялось подписание договора.

В соответствии с ним для торговли с Россией открывалось три порта: Симода, Нагасаки и Хакодатэ. Торговля в них разрешалась под контролем японских чиновников. По аналогии с американцами, русские получили в этих портах право экстерриториальности (их могли судить только русские суды), на Россию распространялся принцип наибольшего благоприятствования [13, с. 112].

Пограничному размежеванию между двумя странами была посвящена ст. 2 трактата, которая устанавливала: «Отныне граница между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие острова к северу составляют владение России. Что касается Крафто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени» [14, с. 114].

На основе достигнутых договоренностей в трактате провозглашалось: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией. Во владениях обоих государств русские и японцы пользуются покровительством и защитой, как относительно их личной безопасности, так и неприкосновенности их собственности» [15, с. 45].

Как видим, подписывая Симодский трактат, Е. В. Путятин не вышел за рамки данных ему правительственных инструкций. Добиться же выдвинутых им по собственной инициа-

тиве максимума требований ему, скорее всего, не позволила неблагоприятная для России международная обстановка того времени — прежде всего наметившееся поражение в Крымской войне, а также та экстремальная ситуация, в которой оказалась миссия в Японии. Поражение России (в котором уже никто не сомневался) на международной арене позволило японцам чувствовать себя немного увереннее и жестче вести переговоры с русскими. Тем не менее, положения Симодского трактата в целом отражали реальную обстановку того времени в русско-японских отношениях. Это была первая, достаточно удачная, попытка решить пограничный вопрос, если вспомнить, что первые две миссии в Японию ничем не закончились. Впервые были установлены официальные межгосударственные отношения.

В своей «Записке о действиях генерал-адъютанта графа Путятина в Японию по возложенным на него поручениям» Е. В. Путятин так объяснил свою позицию в отношении о. Итуруп: «Я объявил однако ж отчасти притязания и на этот остров, как заселенный одними айнами и мало посещаемый японцами, но не с тем впрочем, чтобы действительно настаивать на присоединении его к России, а единственно, чтобы, уступая его Японии не казаться вовсе неприкосновенным против настоящих полномочных» [16, с. 3].

Таким образом, Путятин решил по максимуму воспользоваться своими полномочиями, предоставленными ему инструкцией, хотя понимал, что для японской стороны это неприемлемо. Но решил рискнуть. Также он указал и на то, что этот остров не был заселен японцами.

Нет единого мнения, кабальным ли был Симодский трактат или нет. Д. В. Петров относит трактат к первой серии неравноправных, кабальных торговых соглашений, «повторяющих в основном положения Канагавского договора» между США и Японией [17, с. 193].

«Симодский трактат носил неравноправный характер, как и все договоры, навязанные западными державами слабой феодальной Японии», — пишет Э. Я. Файнберг [18, с. 98].

С таким мнением не соглашается К. Е. Черевко. В своей работе он обращает внимание на то, «что переговоры Путятина были начаты до заключения японо-американского договора, плюс русская делегация с самого начала не собиралась применять силу» [19, с. 191].

Он доказывает, что договор между Россией и Японией был равноправным. «Характерной чертой неравноправных договоров является одностороннее установление консульской юрисдикции, но по русско-японскому договору она носила двусторонний характер. Не ущемлялись права Японии в области торговли, о территориальном размежевании. Что же касается более благоприятных условий для России, то это относится к принципу наибольшего благоприятствования, предусматривавшее только в отношении России, но в период заключения договора это положение ничего реального России не давало, и ее преимущество, в течение нескольких десятилетий лишь номинальное, выявилось значительно позднее», — считает К. Е. Черевко [20, с. 192].

С этим мнением трудно не согласиться.

Переговоры русских шли параллельно с американскими, поэтому при заключении договора с обоими государствами Япония не должна была обидеть ни одно из государств. Поэтому Россия получила схожие с американским договором условия. Пограничный вопрос тоже решался без давления. Японцы должны были знать, что эти территории принадлежали России по праву первооткрытия, что в международном праве того времени считалось достаточным, чтобы считать эту территорию своей.

Симодский трактат имел целый ряд важных последствий: разграничение в районе Курильских островов было осуществлено на основе определенного сторонами понятия пределов этих островов, сложившихся к тому периоду; главное — подписание трактата обеспечило России нейтралитет Японии в период Крымской войны, не допустив использование ее территории европейскими государствами в качестве плацдарма на русском Дальнем Востоке; это был первый русско-японский договор, который определил, хоть и номинально, границу между Японией и Россией; этот договор стал первым документом, закрепившим официальные межгосударственные отношения между Россией и Японией.

Так был решен вопрос о разграничении на Курильских островах; удалось достичь компромиссного решения по поводу эксплуатации о. Сахалин. Но граница по-прежнему оставалась прозрачной. Были и положительные моменты: продолжалось освоение острова без столкновений с двумя народами.

Пока еще в данную проблему не вмешались европейские государства, что позволило России и Японии строить свои отношения без влияния на их решения извне.

Литература

1. Латышев И. Покушение на Курилы. Сахалин, 1992.
2. Зиланов В. К., Кошкин А. А. Русские Курилы: история и современность: сб. документов из истории формирования русско-японской границы. М., 2003.
3. Там же, с. 40.
4. Файнберг Э. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.
5. Курилы — острова в океане проблем. Сост. Ю. Георгиев. М., 1998.
6. Зиланов В. К., Кошкин А. А. Русские Курилы: история и современность: сб. документов из истории формирования русско-японской границы. М., 2003.
7. Там же, с. 41.
8. Там же, с. 42.
9. Там же, с. 42.
10. Там же, с. 42.
11. Там же, с. 43.
12. Там же, с. 44.
13. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973.
14. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1915 гг.). М., 1927.
15. Там же, с. 45.
16. Путятин Е. В. Записка о действиях генерал-адъютанта графа Путятина в Японии по возложенным на него поручениям // Известия. 1991. 4 октября.
17. Черевко К. Е. Новые материалы по истории русско-японских отношений XVII–XIX вв. М., 1994.
18. Файнберг Э. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.
19. Черевко К. Е. Новые материалы по истории русско-японских отношений XVII–XIX вв. М., 1994.
20. Там же, с. 192.